

матычныя творы [4]. А вось Л.Сільнова таксама адзначыла, што «традыцыйныя ... абмеркаванні творчасці маладых аўтараў праходзяць у даволі жорсткай форме, і прысутнымі звычайна прад'яўляюцца да аўтара вельмі высокія патрабаванні! (З аднаго боку – гэта добра, але шкада, што часта нам не стае звычайнай чалавечай добразычлівасці; і толькі ў канцы – як быццам здымаюцца “маскі”: “Ну што, не спужаўся? Будзеш пісаць?”)» [8, с. 150].

Сяргей Кавалёў у сваім выступленні за «круглым сталом» «“Неформалы” – хто вы?» таксама зазначае, што лягчэй аддаць свой твор вядомаму пісьменніку і выслухаць ягоныя заўвагі, чым прапанаваць твор для абмеркавання ў «Тутэйшых» [7, с. 162].

Відавочна, што Маніфест «Тутэйшых», хоць і не з'явіўся ў друку як афіцыйны дакумент таварыства, усё-ткі існаваў у поўнай адпаведнасці са сваім функцыянальным прызначэннем.

Літаратура

1. *Барысевіч Ю.* Літаратура зь першых рук // Цела і тэкст. Мн., БГАКЦ, 1998. С.40–47.
2. *Дубавец С.* Анкета А.Бязлепкінай.
3. *Глобус А.* Інтэрв'ю А.Бязлепкінай.
4. *Кавалёў С.* Інтэрв'ю А.Бязлепкінай.
5. *Кавалёў С.* Дзесяць год паэзіі. Суб'ектыўныя нататкі відавочцы // Як пакахаць ружу. Мн., Выдавецтва ЦК КПБ, 1989. 78 С.
6. Маніфест «Тутэйшых». У аўтарскай рэдакцыі.
7. «Неформалы» – хто вы? // Нёман. 1988. № 6. С.159–168.
8. Усё наперадзе. Анкета «Маладосці» // Маладосць. 1988. № 4. С. 143–156.
9. *Федарэнка А.* Анкета А. Бязлепкінай.

ВРЕМЯ И ПРОСТРАНСТВО В ЛИРИКЕ И. БРОДСКОГО: ЧЕТВЕРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Е. А. Воронцова

Пространство и время – это универсальные категории человеческого сознания и культуры, которые являются основополагающими для любой картины мира. Под картиной мира мы понимаем определенное видение действительности, систему субъективных представлений об объективной реальности. Отраженные в языке, эти представления образуют языковую картину мира и становятся доступными лингвистическому анализу.

По отношению к временным пространственные отношения выступают как первичные, организующие, ведь человек прежде всего ощущает себя в пространстве, а уж только затем во времени. Причина этого, по видимому, в том, что в отличии от пространства время не поддается ни зрительному, ни осязательному восприятию. В попытках «овладеть»

временем человеческое мышление стремится к его «овнешнению» [1, с. 36], метафоризации, приданию ему визуального, пространственного облика. «В картине мира “умозрительное”, ненаблюдаемое, предстает в виде “очевидного”, чувственно воспринимаемого, наглядного» [4, с. 54]. Исконность пространственных и метафоричность временных представлений подтверждает и тот факт, что нередко «динамическое соотношение человека и времени язык метафорически уподобляет передвижению в пространстве» [3, с. 225]. В качестве примера приведем ряд синонимов к слову «умереть»: «уйти из жизни» – «отправиться на тот свет» – «уйти (или отойти, переселиться) в иной (или лучший) мир» – «отправиться к праотцам». Так закрепились в языке представления о смерти как переходе в другой мир, параллельный реальному, куда можно попасть в результате линейного перемещения. «Пространственное» понимание времени присуще архаическому сознанию (а также, отчасти, религиозному и обыденному).

Автор – писатель или поэт – моделирует реальность своих произведений исходя из собственных представлений о структуре мироздания; результат может быть самым непредсказуемым. Цель нашего доклада – выявить специфику языковой картины мира И. Бродского в ее пространственно-временном аспекте.

Согласно феномену вторичной антропологизации язык «выражает и эксплицирует» различные картины мира человека (религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественную), которые «через посредство специальной лексики входят в язык, привнося в него черты человека, его культуры» [4, с. 9]. Бродский, человек с прекрасно развитым пространственным мышлением, геометризирует окружающую его урбанистическую действительность. Непременные составляющие городского пейзажа – треугольники домов, полукружья арок, квадраты окон, и тут же – призма церкви, параллелепипид комнаты. Поэт словно жонглирует формами, объемами, предметы на глазах меняют конфигурацию, из плоских становятся трехмерными: *И, хотя окно не закрыто, уже углы // привыкают к сорочке, как центру круга; Тьма скрадывает, сказано, углы. // Квадрат, возможно, делается шаром.* Бродский, подобно древним грекам, воспринимает мир сквозь призму пространства. Пространственному же осмыслению подвергается и категория времени. В результате в стихотворениях поэта, «тяготеющего к игре в альтернативные варианты бытия» [2, с. 273], формируется качественно новая категория – «пространство-время». Под пространством-временем мы подразумеваем ситуации, когда время образует новое пространство, своеобразное четвертое измерение, сосуществующее с реальным миром и общающееся с ним. Как же проявляется эта категория на уровне текста?

Во-первых, для характеристики времени привлекаются слова, принадлежащие тематическому полю пространства: «перспектива», «длина», «горизонтально-вертикально», «расстояние», «направление (право-лево)», «форма» и т. д. Например: *Жизнь // в сущности, есть расстояние – между сегодня и // завтра, иначе – будущим; Наша тень длиннее, чем ночь пред нами; Время, текущее в отличие от воды // горизонтально от вторника до среды, // в темноте там разглаживало бы морщины // и стирало бы собственные следы.* Как мы видим, время у поэта фактически задается пространственными параметрами.

Во-вторых, время метафоризируется, уподобляется географической карте (а также отдельным ее элементам – дорогам, долинам, лесам, улицам и т. д.): *Скажи, душа, как выглядела жизнь, // как выглядела с птичьего полета; Горы, горы мои. Навсегда белый свет, белый снег, белый свет // до последнего часа в душе, в хоре мертвых имен, // вечно белых вершин над долинами минувших лет, // словно тысячи лет на свиданьи у вечных времен; Впереди, кроме улиц твоих, никого, ничего уже нет, // как поверить, что ты проживешь еще столько же дней.*

В-третьих, пространство и время у Бродского так тесно переплетаются между собой, что иногда образуют единое целое, их трудно разделить. Так, задержка во времени видится как увеличение предстоящего пути, а увеличение расстояния, как прошествие длительного времени, избавляет от воспоминаний: *И все-таки ведущая домой // дорога оказалась слишком длинной, // как будто Посейдон, пока мы там // теряли время, // растянул пространство; Отходят поезда от городов, // приходит моментальное забвенье.*

В-четвертых, течение времени представлено в некоторых текстах как поступательное движение в пространстве. Время, подобно пространству, воспринимается неподвижным, а человек – перемещающимся в его пределах: *Ставя босую ногу на красный мрамор, // тело делает шаг в будущее – одеться; За сегодняшним днем стоит неподвижное завтра, // как сказуемое за подлежащим; Автомобили тоже // катились в сторону будущего и были // черными, серыми, а иногда // даже светло-коричневыми.*

В-пятых, слова, принадлежащие разным тематическим полям – времени и пространства, сближаются на основании общих сем в составе своих значений. И наоборот, слова, имеющие в составе своих значений и пространственные и временные семы, используются для характеристики обеих категорий: *Вещи затвердевают, чтоб в памяти их не сдвинуть // с места, но в перспективе возникнуть трудней, чем сгинуть // в ней, выходящей из города, переходящей в годы // в погоне за чистым временем, без счастья и терракоты.*

Так, перспектива здесь и «даль, пространство», и «будущее» (Ср.: в перспективе – «впереди, в будущем»). Перспектива-пространство удлиняется перспективой-пространством-временем: Человек, дожив до того момента, когда нельзя // его больше любить, брезгуя плыть противу // бешеного течения, прячется в перспективу; Так на льду Танаиса // пропадая из виду, дрожа всем телом, высохшим лавром прикрывши темя, // бредут в лежащее за пределом всякой великой державы время. Прекратившие свое существование в реальном мире люди и предметы продолжают его во времени (а точнее, в пространстве-времени): *Я писал, что в лампочке – ужас пола. // Что любовь, как акт, лишена глагола. // Что не знал Эвклид, что, сходя на конус, вещь обретает не ноль, но Хронос.* Опосредованно реализуется значение перспективы как будущего в нижеприведенном примере: *И бесконечная набережная делала жизнь короткой.* Бесконечная набережная (есть основания предполагать, что имеется в виду Невский проспект) → «проспект, прямая, длинная улица» → перспектива → «будущее». Не менее интересно сближение временного понятия «вечность» и пространственного «море/океан» на основании общего компонента значения – «большое количество чего-нибудь» (Ср.: море цветов).

Меж нами – вечность, также – океан. // Причем, буквально; Великая душа, привет через моря // за то, что их [слова] нашла, - тебе и части тленной, // что спит в родной земле, тебе благодаря // обретшей речи дар в глухонемой Вселенной. Первый пример является фрагментом стихотворения из цикла «Двадцать сонетов к Марии Стюарт» (1974 г.), второй взят из стихотворения «На столетие Анны Ахматовой» (1989 г.). Море/океан разделяет адресанта и адресатов и в пространстве и во времени. Между Америкой, где в те годы жил И. Бродский, Англией (родиной Марии Стюарт) и Россией (родиной Анны Ахматовой) действительно пролегает океан. Во временном плане между Бродским, шотландской королевой и русской поэтессой – вечность.

Возникает естественный вопрос: где место поэта в созданном им же самим двоимирии? На этот вопрос лучше всего ответит он сам: *Не жилец этих мест, // не мертвец, а какой-то посредник, // совершенно один // ты кричишь о себе напоследок.* Именно Поэту дано преодолеть этот разрыв, одновременно существовать и в одном с нами пространственно-временном континууме, и Вечности, Культуре.

Подводя итоги, хотелось бы обобщить все вышесказанное и еще раз определить, что мы подразумеваем под «четвертым измерением в лирике И. Бродского». Четвертое измерение - нечленимое, синкретичное пространство-время; альтернативный реальному, продлевающий и расши-

ряющий его мир, Вечность, Бесконечность, Память; уникальная категория индивидуальной картины мира поэта.

Литература

1. *Вахрушев В. С.* Время и пространство как метафора в «Тропике Рака» Г. Миллера (к вопросу хронотопа) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1992. № 1. С. 35–43.
2. *Жолковский А. К.* Блуждающие сны: Из истории русского модернизма. М., 1992. 432 с.
3. *Касевич В. Б.* Буддизм. Картина мира. Язык. СПб., 1996. 288 с.
4. *Постовалова В. И.* Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. С. 8–69.

МЕДИЦИНСКИЕ ТЕРМИНЫ И ОСОБЕННОСТИ ИХ ПЕРЕВОДА

Е. Н. Гвоздович

Медицинская терминология – одна из активно развивающихся терминологических подсистем языка. Многие особенности медицинской терминологии обусловлены историей ее образования и развития. В этой области знания особенно важно стремление к точности выбора терминов, поскольку от этого в определенной мере зависит здоровье человека. В связи с этим наблюдается повышенное внимание к специальным номинациям: известно время появления и авторство многих медицинских терминов, а в медицинских вузах обязательным является изучение медицинской терминологии.

Терминология и способы перевода терминов были предметом анализа многих работ лингвистического и научного содержания, в частности, таких ученых, как Божно Л. И., Дрезен Э. К., Лотте Д. С., Скороходько Э. Ф., Татаринцев В. А и др. Однако интерес к различным проблемам терминологии, вопросам ее перевода неизменно возрастает. Несмотря на наличие больших наработок в данном направлении, единого общепринятого определения самого термина нет. Многие ученые считают, что наиболее дефинитивно определение, данное О. С. Ахмановой: «Слово или словосочетание специального (научного, технического и т.п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое и т. п.) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов»[1, с. 474]. Таким образом, мы должны различать в термине словесное выражение и понятие. Первое из них называется «формой» термина, а второе – «смысловым содержанием» или «семантикой» термина. С этой точки зрения, например, термины «окулист» и «офтальмолог» во время своего образования представляли собой различную форму при одном и том же смысловом содержании.